

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1912 г. Нояб. 6. По ст. X. Согласенъ ходатайствовать. По ст. XII. Дѣйствительный студентъ Академіи Константинъ Ивановъ утверждается въ должности помощника секретаря Совѣта и Правленія Академіи. Прочее смотрѣно“.

22 ноября 1912 года.

№ 27.

Присутствовали, подъ пресѣдательствомъ Ректора Академіи Θεодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Анатолій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, н. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостыинъ, ординарные профессора—С. С. Глаголевъ, М. М. Тарѣвъ и М. М. Богословскій, экстраординарные профессора — И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Стравовъ.

Отсутствовали: ординарные профессора—А. И. Введенскій, С. И. Соболевскій и А. А. Спасскій и экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ.

Слушали: Отзвыы о сочиненіи н. д. доцента Московской Духовной Академіи по первой каедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта, кандидата богословія, *Владимира Троицкаго* подъ заглавіемъ: „Очерки изъ исторіи догмата о Церкви“. Сергіевъ Посадъ, 1912 г., представленномъ на соисканіе степени магистра богословія.

а) Ординарнаго профессора Академіи по каедрѣ основнаго богословія *С. С. Глаголева*:

„Скоро наступитъ день, когда Академія будетъ праздновать столѣтіе своего существованія. Въ этотъ день итоговъ Академія, давая отчетъ въ томъ, что сдѣлано ею для православной богословской науки, будетъ имѣть право въ ряду другихъ работъ съ честію указать на книгу г. Троицкаго,

какъ на высоко цѣнную для православія работу, вышедшую изъ-подъ академической сѣни.

Церковь есть корабль спасенія. Всѣ желаютъ быть на такомъ кораблѣ. „Пріятно,—говорилъ еще Паскаль (Pensées),—быть на кораблѣ, выдерживающемъ бурю, когда находишься въ увѣренности, что этотъ корабль никогда не погибнетъ. Преслѣдованія, обращенныя на Церковь, походятъ на стихіи, обуревающія такой негибнущій корабль. Исторію Церкви собственно слѣдуетъ назвать исторіей истины“. Г. Троицкій въ своей обширной (XVI—559 стр.) и блестящей монографіи изображаетъ намъ рядъ моментовъ изъ исторіи раскрытія этой истины и споровъ о ней.

Его диссертация распадается на шесть главъ. Каждая глава представляетъ въ сущности законченное изслѣдованіе. Первая глава излагаетъ новозавѣтное ученіе о Церкви. Сущственно важнымъ въ этой главѣ является раскрытіе того, что у христіанъ съ самаго начала была идея единой, видимой церкви. Сжатыми, но сильными аргументами авторъ опровергаетъ въ этой главѣ протестантскія представленія о первоначальной церкви. Вторая глава носитъ заглавіе „понятіе о Церкви въ противоіудейской полемикѣ первыхъ двухъ вѣковъ“. Содержаніе главы шире ея заглавія. Мы находимъ въ ней изложеніе сужденій писателей и не полемизировавшихъ съ іудеями (Климентя Римскаго, Аристида), встрѣчаемъ идеи, которыя едва ли могли возникнуть на почвѣ противоіудейской полемики (о предсуществованіи церкви). Третья глава посвящена ученію о Церкви писателей антигностическихъ. Церковь разсматривается здѣсь, какъ хранительница истины. Авторъ выясняетъ здѣсь предъ читателями двухсторонность вопроса. Съ одной стороны гарантіей истинности церковнаго ученія какъ будто выдвигается апостольское основаніе церкви, правильность преемства, сохраненіе традиціи; съ другой стороны оказывается, что всего этого можетъ быть недостаточно. Духъ Святой содержитъ истину въ Церкви и не допускаетъ проникновенія въ Церковь заблужденій. Г. Троицкій показываетъ намъ, какъ учеными церковными писателями рѣшался вопросъ о взаимоотношеніи историческихъ и мистическихъ основаній для вѣры въ истинность церковнаго ученія. Четвертая глава озаглавливается „ученіе о святости Церкви и борьба съ мон-

танализмом“. Авторъ выясняетъ здѣсь, что отцы Церкви никогда не разсматривали Церковь, какъ общество совершенныхъ, но какъ общество людей стремящихся къ совершенству. По мысли автора, самое раздѣленіе грѣховъ на смертные и прощаемые есть позднѣйшій моментъ въ исторіи Церкви. Пятая глава авторомъ посвящена изслѣдованію взглядовъ на церковь св. Кипріана карфагенскаго. Въ ней обсуждается вопросъ объ организаціи Церкви и о томъ, что спасеніе возможно лишь въ Церкви. Вл. А. Троицкій не считаетъ Кипріана безспорнымъ защитникомъ папства, не находитъ онъ возможнымъ на основаніи сочиненій Кипріана построить стройную и ясную систему ученія о Церкви. По мнѣнію нашего автора во взглядахъ Кипріана открываются несогласованность („какъ бы противорѣчія“, стр. 470) и незаконченность. Шестая и послѣдняя глава вводитъ насъ въ „вопросъ о Церкви въ догматической полемикѣ съ донатизмомъ. Г. Троицкій полагаетъ, что въ этой полемикѣ окончательно выяснилось понятіе святости Церкви. Святость Церкви состоитъ въ томъ, что въ Церкви и только въ Церкви дѣйствительны освящающія средства. Преподаніе этихъ освящающихъ средствъ совершается іерархическими лицами независимо отъ ихъ нравственныхъ качествъ. Такимъ образомъ святость Церкви не обуславливается не только святостью ея членовъ, но даже и нравственною чистотою ея іерархіи. Г. Троицкій не снабжаетъ свою книгу никакимъ заключеніемъ, но изъ каждой его главы слѣдуетъ рядъ выводовъ и вся эта совокупность выводовъ служитъ къ обоснованію вѣры „во едину, святую, соборную и апостольскую Церковь“.

Свою работу г. Троицкій выполнилъ по лучшимъ изданіямъ первоисточниковъ при пользованіи важнѣйшими изслѣдованіями по обсуждаемымъ имъ вопросамъ. Церковные писатели цитируются имъ всегда по ихъ сочиненіямъ. Не мало мы имѣемъ магистерскихъ и докторскихъ сочиненій по разнымъ наукамъ, гдѣ цитаты въ значительной мѣрѣ являются пересаженными изъ другихъ книгъ, какъ иногда цвѣты пересаживаютъ съ одной грядки на другую, и какъ часто цвѣты послѣ такого пересаживанія вянутъ, такъ подобнымъ образомъ вянутъ и цитаты: оторванные отъ контекста, неправильно понятыя, онѣ не могутъ помочь авторамъ до-

браться до правды и не могут дать жизни ихъ своеобразнымъ изслѣдованіямъ. У Вл. Ал. Троицкаго цитаты берутся отсюда, откуда ихъ надо брать. Вездѣ видно, что онъ знаетъ контекстъ цитируемыхъ мѣстъ. Нужныя ему творенія Тертуліана, Кипріана, Августина онъ изучилъ съ изумительною тщательностью. Онъ провѣрялъ свое пониманіе церковныхъ писателей компетентнѣйшими изслѣдованіями, онъ ни за кѣмъ не шелъ на буксирѣ, онъ безусловно самостоятеленъ.

Историческій характеръ изслѣдованія г. Троицкаго давалъ ему возможность стать нѣкоторымъ образомъ въ сторонѣ отъ рѣшенія обслѣдуемаго вопроса. Онъ даетъ исторію споровъ объ ученіи, онъ могъ предоставить читателямъ самимъ разбираться въ этихъ спорахъ. Августинъ училъ такъ-то. А нужно или не нужно соглашаться съ Августиномъ? это—добрая воля каждаго. Г. Троицкій въ своей диссертациіи проявилъ замѣчательный тактъ. Излагая воззрѣнія разныхъ церковныхъ писателей, онъ обычно не производитъ ихъ оцѣнки и не произноситъ надъ ними суда. Онъ предоставляетъ это сдѣлать самимъ читателямъ. Но онъ не могъ оставаться въ сторонѣ отъ истины. Онъ—мыслитель православный и человекъ съ твердо установившимся убѣжденіемъ. Онъ историческимъ путемъ выясняетъ истинность православныхъ догматическихъ воззрѣній. Такъ онъ выясняетъ, что самоопредѣленіе Церкви во все времена было однимъ и тѣмъ же. Это есть вмѣстѣ съ тѣмъ утвержденіе тезиса, что Церковь есть всегда живущая на землѣ истина. При раскрытіи этой истины авторъ не обнаруживаетъ слабости, которая оказывается часто присущею и сильнымъ умамъ: онъ не вербуетъ искусственнымъ образомъ въ свои союзники тѣхъ или иныхъ великихъ людей. А это—распространенный обычай. Богословы пытаются доказывать, что ихъ теоріи являются развитіемъ идей Аванасія Великаго или Григорія Богослова; философы, что Лейбницъ и Кантъ въ сущности подходили къ ихъ воззрѣніямъ; ученые пришлетаютъ къ своимъ теоріямъ Липнея, Бюффона, Гете. Нашъ авторъ не дѣлаетъ этого. Онъ—замѣчательно объективенъ.

Книга г. Троицкаго написана яснымъ и легкимъ литературнымъ языкомъ. Читается она легко и съ интересомъ. И за все тѣмъ должно признать, что она представляетъ собою сжатое изложеніе вопроса. Несомнѣнно для автора

было бы легче написать книгу втрое или вчетверо большую по объему. Онъ могъ бы умножить и удлинить выписки изъ церковныхъ писателей. Это только облегчило бы ему дѣло выясненія своихъ тезисовъ. Но онъ предпочиталъ извлекать изъ источниковъ только существенно важное и подчеркивать это важное немногими словами. Такъ въ короткомъ примѣчаніи на 220—221 стр. онъ устанавливаетъ, что *Дидакх* признаетъ іерархію. И подобныхъ замѣчаній (на 382 стр. о равенствѣ апостоловъ) и примѣчаній у него много. Это—тонкая, филигранная работа.

Автору могутъ поставить въ упрекъ, что сочиненіе его носить какъ бы отрывочный характеръ. Выясненіе понятія церкви въ исторіи у него не представлено, какъ нѣкій органическій процессъ, управляемый извѣстными законами. Многіе историки пытаются устанавливать въ своихъ трудахъ, что то, что было, должно было быть. Въ такомъ духѣ написана исторія догматовъ Гарнака. Въ такомъ духѣ написано много курсовъ. Но у внимательнаго читателя подобныхъ книгъ всегда остается подозрѣніе, что если бы ростъ идей и ходъ событій приняли иное направленіе, тѣ же историки доказывали бы, что иначе не могло и быть. Истолковывать прошедшее тѣмъ легче, чѣмъ менѣе мы о немъ знаемъ. Обиліе матеріала ограничиваетъ дѣятельность фантазіи. Требуется гипотеза, стоящая въ согласіи со всѣмъ матеріаломъ, и одинъ маленькій документъ можетъ остановить смѣлый полетъ фантазіи. Г. Троицкому нужно поставить въ заслугу, что онъ не стремился скудость историческаго матеріала восполнить созданіями собственнаго воображенія. Онъ не создавалъ искусственныхъ спаякъ, не предлагаетъ читателямъ искусственныхъ и произвольныхъ гипотезъ.

Въ его сочиненіи есть гармонія вѣры и знанія. Онъ умѣетъ различать ихъ и отлично понимаетъ, что человѣческое знаніе слѣшкомъ недостаточно какъ для того, чтобы дать безусловныя основанія для его вѣры, такъ и для того, чтобы поколебать ее.

Но какъ бы ни была хороша книга, рецензентъ обязанъ быть чѣмъ-либо въ ней недовольнымъ. Сдѣлаю теперь нѣсколько замѣчаній относительно этой стороны книги нашего автора.

Вл. Алек. Троицкій озаглавилъ свою книгу „Очерки изъ

исторіи догмата о Церкви“. Какой догматъ онъ разумѣть? Девятый членъ символа вѣры? Но девятый членъ, равно какъ и десятый, предполагаетъ собою вѣру въ нѣчто такое и исповѣданіе чего-то, что не дано въ символѣ, а имъ предполагается. Десятый членъ не говоритъ, что такое крещеніе и какъ его нужно совершать; девятый членъ оставляетъ открытыми многіе вопросы относительно Церкви: каково ея назначеніе, нужно ли непременно быть ея членомъ? Сочиненіе Вл. А—ча гораздо шире девятаго члена. У него обсуждаются вопросы и о церковной дисциплинѣ, и о спасеніи внѣ церкви. Онъ имѣетъ дѣло не съ догматомъ, а съ одной стороны—съ системою догматовъ, съ другой—съ толкованіемъ и развитіемъ этой системы церковными писателями. Сочиненіе В. А—ча отразило на себѣ характеръ нашихъ курсовъ Догматическаго Богословія. Въ нихъ всегда говорится объ очень многомъ и меньше всего о догматахъ. Догматъ есть формула, истинность и обязательность которой признана и санкціонирована всею Церковью. Догматовъ немного. Но наши Догматики изъ этихъ немногихъ догматовъ дѣлаютъ очень много выводовъ, которые также трактуются какъ догматы. Капитальною задачею Догматическаго Богословія является произвести возможно тщательное разграниченіе между догматомъ и самыми правдоподобными изъ него выводами. Вл. А—чъ даетъ намъ исторію ученій о Церкви въ первые четыре вѣка. Церковное самоопредѣленіе у него представляется какъ нѣчто само собою понятное и данное. Но это не такъ. И безъ сомнѣнія по волѣ божественнаго провидѣнія произошло то, что Церковь о себѣ самой сказала очень немного.

Изъ книги Влад. А—ча выносятся впечатлѣніе, что Церковь раскрывала правильное ученіе о себѣ, лишь потому и поскольку являлись неправильныя ученія о ней. Получается что-то вродѣ фихтевской философіи. „Я“ для того, чтобы себя выяснитъ, нуждается въ „не—я“. Шеллингъ пронизировалъ надъ этой философіей, говоря, что фихтевское „я“ создаетъ для себя „не—я“. какъ нѣкоторыя двери, стукнувшись объ которыя лбомъ, „я“ начинаетъ чувствовать собственное существованіе. Такъ у Вл. А—ча въ Церкви возникаютъ и изъ нея выходятъ различныя раскольничьи и еретическія общины, столкнувшись съ которыми, Церковь

приобрѣтаетъ самосознаніе и опредѣляетъ, что она такое? Нужны іудействующіе, гностики, монтанисты, новаціане, до-натисты, чтобы Церковь выяснила себя себѣ. Безъ сомнѣ-нія всѣ эти еретики и раскольники много содѣйствовали тому, что въ Церкви появились произведенія, трактаты и опредѣленія о Церкви, но самый фактъ церковнаго самосо-знанія и ростъ этого самосознанія не обусловливался и не могъ обусловливаться враждебными ей явленіями. Церковь живетъ, и самая жизнь Церкви—жизнь не раскольникыча, не еретическая, но жизнь стремящаяся къ совершенству постоянно ставить вопросы, отвѣты на которые являются выясненіемъ природы Церкви. Нашъ авторъ въ сущности самъ это знаетъ. Онъ говоритъ объ этомъ на 66-й страницѣ своей книги. Затѣмъ мною уже было указано, что въ главѣ „понятіе о Церкви въ противоіудейской полемикѣ“ авторъ приводитъ сужденія о Церкви писателей, которые не вели полемики съ іудействующими.

Въ изслѣдованіи ученій о Церкви у автора порою нѣтъ полноты. Особенно это нужно сказать о первой главѣ. Ка-ковъ составъ Церкви (ангелы, умершіе), какъ Церковь должна относиться къ тому, что внѣ Церкви; какъ находя-щіеся въ Церкви могутъ оказаться внѣ ея? Правда, по от-ношенію къ каждому изъ описываемыхъ моментовъ изъ исторіи ученій о Церкви на наши замѣчанія о неполнотѣ авторъ можетъ сказать, что онъ даетъ не исторію, а лишь „черчки изъ исторіи“. Но едва ли самъ авторъ найдетъ до-стойнымъ себя подобный способъ защиты.

Въ большихъ сочиненіяхъ всегда неизбѣжны маленькіе недостатки въ видѣ словесныхъ lapsus'овъ, неточностей, опу-щенія цитатъ. Есть такіе и у нашего автора. Свое сочи-неніе онъ начинаетъ словами: „То была величайшая и тор-жественнѣйшая минута въ исторіи человечества, когда Гос-подь Иисусъ Христосъ въ Своей первосвященнической мо-литвѣ возгласилъ: Отче Святыи“.... Почему эту минуту ав-торъ называетъ величайшею и торжественнѣйшею? А когда Господь возгласилъ съ креста: „совершилось“ (Іоан. XIX, 30), развѣ эта минута была менѣе величественна и торжественна? И въ великомъ подвигѣ Христа какъ намъ дѣлить минуты на болѣе и менѣе величественныя?

На 66-й стран. мы находимъ у автора такое разсужденіе.

„Идея Церкви получила свое начало вмѣстѣ съ христіанствомъ. Іудеохристіанство же слѣдуетъ разсматривать не какъ факторъ въ процессѣ образованія понятія о Церкви, не какъ одно изъ слагаемыхъ, частью вошедшихъ въ общую сумму, а его должно разсматривать какъ ересь, отдѣленіе отъ существующей уже христіанской Церкви“. Здѣсь много страннаго. Какимъ образомъ слагаемое можетъ „частью“ входить въ сумму? Каждое слагаемое входить въ сумму цѣликомъ. Затѣмъ понятіе „слагаемаго“ и понятіе „фактора“ совершенно различны. Вся вторая глава книги Вл. А—ча утверждаетъ, что іудеохристіанство было факторомъ, побуждавшимъ Церковь изложить ученіе о себѣ, и та же глава вся утверждаетъ, что іудеохристіанство не было слагаемымъ той суммы, которая образуетъ Церковь или понятіе о ней. На 112-й стран. авторъ пишетъ о гностицизмѣ, что ему „суждено было оказать большое вліяніе на опредѣленіе Церковію своего ученія“. Во второй главѣ авторъ подобное говоритъ о іудеохристіанствѣ. Но оказывать вліяніе и значить быть факторомъ. Съ другой стороны никакая ересь не представляетъ собою сплошной лжи, частью она всегда заключаетъ въ себѣ и истину, поэтому часть іудеохристіанскаго ученія о Церкви могла и должна была войти въ ту сумму, которая представляетъ собою полное и правильное ученіе о Церкви.

На 400 стран. авторъ резюмируетъ мнѣніе св. Кипріяна такъ. „Всякій епископъ долженъ соглашаться съ своими братьями и товарищами, если только ихъ мнѣніе истинно и законно“. Но спрашивается, какъ же мы можемъ не соглашаться съ мнѣніемъ, которое въ нашихъ глазахъ истинно и законно?

Въ своемъ оглавленіи авторъ даетъ такое заглавіе одному изъ своихъ отдѣловъ: „единство Церкви при отсутствіи юридическихъ нормъ“ (стр. 555). Авторъ разумѣетъ здѣсь единство Церкви при отсутствіи единой организаціи, управляющей всею Церковью. Но это вѣдь совсѣмъ не то, что юридическія нормы. Юридическія нормы могутъ существовать не только въ формѣ писанныхъ законовъ, но и въ видѣ обычнаго права. Такимъ правомъ владела и Церковь. Единство Церкви обуславливалось единствомъ вѣры, таинствъ и дисциплины отдѣльныхъ церквей. Развѣ это—не нормы?

Авторъ говоритъ о моральныхъ связяхъ церкви (стр. 58), но связи—моральныя въ точномъ смыслѣ слова—связываютъ не церкви, а все человѣчество.

Въ главѣ „новозавѣтное ученіе о Церкви“ авторъ въ качествѣ трактата, имѣющаго тотъ же предметъ, указываетъ книгу Е. Аквилонова—„Церковь. Научныя опредѣленія Церкви и апостольское ученіе о ней, какъ о тѣлѣ Христовомъ“. Спб. 1894“. Эта книга имѣетъ долгую исторію, и около нея велись споры относительно опредѣленія Церкви, доставившіе много горькихъ минутъ ея автору. Въ концѣ концовъ изслѣдованіе о. Аквилонова явилось въ переработанномъ видѣ подъ заглавіемъ: „Новозавѣтное ученіе о Церкви. Спб. 1904“. Почему нашъ авторъ не цитируетъ ее въ этомъ видѣ, отвѣчающемъ прямо темѣ его главы?

Но довольно замѣчаній. Такія книги, какъ книга г. Троицкаго, не часто являются на Руси. Появленіе ихъ есть праздникъ богословской науки. Глубокой благодарности заслуживаетъ нашъ авторъ за свою книгу. Степени магистра богословія онъ достоинъ безусловно“.

б) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова*:

„Двѣ трудности для православнаго богослова представляеть дѣло изученія догмата о Церкви, именно какъ *догмат*и.

Одна—*вѣроисповѣданная*. Въ вѣковой борьбѣ протестантства и католичества со всею ясностью и полнотою опредѣлилась противоположность этихъ вѣроисповѣданій какъ во всей вообще догматологіи, такъ и въ частности въ экклесіологіи со всѣхъ ея сторонъ. При этомъ интерпретація текстовъ и полемическая діалектика доведены до такихъ тонкостей, что людямъ, стоящимъ внѣ этой борьбы или недостаточно проникшимся ея интересами, едва ли даже и возможно вполне разобратъся во всѣхъ ея подробностяхъ. И такъ какъ восточное православіе стояло внѣ прямой и непосредственной связи съ этими движеніями Запада и, въ частности, по вопросу о Церкви не давала подробныхъ и окончательныхъ *догматическихкихъ* построеній, то современному православному богослову, работающему надъ догматомъ о Церкви, предстоитъ неизбежная Сцилла и Харибда католичества и протестантства, которую благополучно миновать бываетъ крайне

трудно и не для новичковъ только дѣла. Работы Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича открываютъ это въ отношеніи ко всей догматической системѣ. А въ частности по вопросу о Церкви мы видимъ это на примѣрѣ даже заматорѣлыхъ въ догматической полемикѣ и философской діалектикѣ людей, какъ Хомяковъ, Самаринъ и Соловьевъ. Блестящій и непобѣдимый полемистъ противъ католичества и протестантства, Хомяковъ въ своихъ положительныхъ построеніяхъ догмата о Церкви однакожь обнаружилъ, быть можетъ незамѣтный для него самого, уклонъ къ протестантству. Соловьевъ открыто и по убѣжденію сталъ на сторону католичества. А Самаринъ пришелъ въ тушикъ, признавъ, что въ православіи нѣтъ и не должно быть догматической системы.

Другая трудность заключается въ *существовѣ предмета*, въ его общедогматической сторонѣ, въ постиженіи и опредѣленіи самаго существа Церкви, а не отдѣльныхъ только частныхъ ея сторонъ или предикатовъ, указанныхъ въ символѣ вѣры. Какъ таинственное тѣло Спасителя-Богочеловѣка, Церковь, въ своемъ существѣ и по своей идейно-мистической сторонѣ, такъ же жизненно и внутренно связана со всѣмъ христіанствомъ вообще и со всѣми его частными явленіями, какъ человѣческое тѣло объединено съ душою. Отсюда: берущійся за изслѣдованіе исторіи догмата о Церкви долженъ изучить и опредѣлить существо и дѣйственность Церкви во всѣхъ сторонахъ церковной жизни,—слѣдовательно быть специалистомъ по всѣмъ церковнымъ дисциплинамъ—церковной исторіи, патрологіи, каноническому праву, догматическому богословію, Священному Писанію и проч. Условіе, конечно невозможное для первой и при томъ краткосрочной работы магистранта.

Обѣихъ трудностей авторъ однакожь искусно избѣжалъ время ограниченіями своей задачи.

Во 1-хъ, онъ взялъ для первоначальнаго изученія труднѣйшаго и сложнѣйшаго предмета одну только *полемическую* противъ ересей и расколовъ церковную литературу,—и притомъ только противъ тѣхъ движеній, въ коихъ *прямо* затрогивались вопросы о *частныхъ*, въ символѣ названныхъ, *предикатахъ* Церкви—апостоличности, единства, святости и частью—каволичности, по связи съ единствомъ. Этимъ онъ

отграничили себя совершенно определенное поле работы въ необъятной почти области еkkлесіологіи.

А такъ какъ эта борьба Церкви съ антицерковными движеніями охватываетъ разнообразныя и весьма сложныя стороны общецерковной жизни, изъ коихъ каждая можетъ составить предметъ специальной и многолѣтней работы, напрімѣръ гностицизмъ,—то, во 2-ю, авторъ старался ограничиться преимущественно объективнымъ изложеніемъ только *общихъ результатовъ* по вопросамъ объ указанныхъ свойствахъ Церкви, выработанныхъ церковными писателями въ этой полемикѣ. Онъ не задается специальнымъ изслѣдованіемъ церковно-исторической стороны какъ противцерковныхъ движеній, такъ и церковной борьбы съ ними,—а также освобождаетъ себя отъ прямого субъективно-критическаго освѣщенія результатовъ полемики общими идейно-богословскими воззрѣніями на существо Церкви. Этимъ онъ избѣгъ не безопасной и для начинающаго ученаго пожалуй даже и преждевременной, во всякомъ случаѣ смѣлой, задачи давать директивы и внушенія къ православному опредѣленію и построенію догмата о Церкви, особенно въ труднѣйшихъ вопросахъ, напрімѣръ о таинственной благодати у католиковъ, англиканъ, протестантовъ, еретиковъ, сектантовъ, раскольниковъ,—вообще рѣшать вопросъ о спасеніи внѣ тепершняго историческаго православія и Церкви настоящаго вѣка. Безъ сомнѣнія, это должно быть дѣломъ научныхъ и церковныхъ авторитетовъ, а не начинающихъ магистрантовъ.

Во 3-ю, наконецъ, авторъ окончилъ свою работу полемикою Августина съ донатизмомъ, хронологически ограничивъ ее первыми четырьмя съ половиною (приблизительно, ибо Августинъ умеръ въ 430-мъ году) вѣками. Надо впрочемъ замѣтить, что это ограниченіе авторъ сдѣлалъ не произвольно, но потому, что этотъ періодъ представляетъ строго законченное цѣлое по отношенію къ взятой авторомъ задачѣ —изучить полемику церковныхъ писателей, преимущественно западныхъ, съ антицерковными раскольническими движеніями, оканчивающуюся на Западѣ донатизмомъ и полемикою съ нимъ Августина.

Диссертация, послѣ небольшого предисловія (I—XVI), начинается изложеніемъ „Новозавѣтнаго ученія о Церкви“ (стр. 1—60). Излагается предметъ догматически и въ общихъ

чертахъ, безъ подробнаго и спеціальнаго обсужденія католическихъ и протестантскихъ толкованій новозавѣтнаго ученія о Церкви,— и главнымъ образомъ по посланіямъ Ап. Павла. Такъ какъ новозавѣтное ученіе о Церкви не имѣетъ прямо—полемическаго характера и содержитъ въ себѣ глубочайшее и всестороннее раскрытіе какъ внутренняго существа Церкви, такъ и его внѣшнихъ обнаруженій, то очеркъ этотъ стоитъ особнякомъ въ диссертации, посвященной раскрытію символическихъ предикатовъ Церкви именно въ церковной полемикѣ противъ антицерковныхъ движеній первыхъ четырехъ вѣковъ. Это ясно сознаетъ самъ авторъ, заявляя, „что новозавѣтное ученіе о Церкви можетъ быть предметомъ особаго изслѣдованія“ и что „въ своемъ изслѣдованіи, предметъ котораго — исторія догмата о Церкви, мы можемъ, конечно, дать только самый общій очеркъ новозавѣтнаго ученія, который, не имѣя самостоятельнаго и безотносительнаго научнаго значенія, можетъ служить *только какъ бы введеніемъ къ исторіи собственно догмата о Церкви*“,— и въ дальнѣйшихъ очеркахъ обращаясь, независимо отъ этого перваго очерка, къ изложенію тѣхъ именно сторонъ новозавѣтнаго ученія, кои стоятъ въ прямой связи съ содержаніемъ дальнѣйшихъ очерковъ, напримѣръ на стр. 73—74, 173—176, 194—215, 257—259.

Несмотря на скромное заявленіе автора, положительно—догматическая сторона предмета однакожь охвачена всесторонне, построена систематично и изложена отчетливо. И хотя авторъ имѣлъ превосходное пособіе въ диссертации проф. Богдашевскаго „Посланіе къ Ефесянамъ“, но онъ воспользовался ею вполне самостоятельно, гдѣ ее дополнивъ, а гдѣ и переработавъ по своему. Такимъ образомъ этотъ первый очеркъ въ книгѣ г. Троицкаго служитъ прекраснымъ восполненіемъ къ предшествовавшимъ трудамъ Мансветова „Новозавѣтное ученіе о Церкви“ и проф. Богдашевскаго, вышеуказанное изслѣдованіе.

Историческое раскрытіе предмета начинается собственно со втораго очерка изложеніемъ церковной полемики противъ іудеевъ и іудействующихъ христіанъ (стр. 61—105). Сказавъ о взглядахъ іудействующихъ христіанъ на Церковь и указавъ новозавѣтный взглядъ на отношеніе Вѣтхаго Завѣта къ Церкви, авторъ излагаетъ ученіе о Церкви, какъ о но-

вомъ народѣ Божіемъ, стоящемъ внѣ и выше національностей историческихъ — іудеевъ и язычниковъ, — въ Новомъ Завѣтѣ и твореніяхъ Варнавы, Іустина, Иринея, Ипполита, Тертулліана, Климента Римскаго, *Лѣдахѣ*, Игнатія, въ Актахъ Поликарпа, у Мелитона, въ Посланіи къ Діогнету, у Аристида, въ Пастырѣ Ермы и у Климента Александрійскаго.

Въ третьемъ очеркѣ (стр. 106—252), на основаніи источниковъ той же исторической группы, что и во второмъ (Новый Завѣтъ, *Лѣдахѣ*, Климентъ Рим., Игнатій, Іустинъ, Посланіе къ Діогнету, Иринея, Тертулліанъ, Климентъ Алекс.— съ прибавленіемъ Поликарпа Смирнскаго, Поликрата Ефесскаго, Папія, Егезиппа, Діонисія Коринтскаго, Теофила Антиохійскаго), но разсматриваемыхъ со стороны ихъ антихристической полемики, главнымъ образомъ противъ Маркіона и Валентина,—раскрываетъ ту сторону ихъ ученія о Церкви, которая выражается въ символѣ терминовъ „апостольская“, т. е. о непрерывности апостольскаго преемства въ Церкви, о чистотѣ и неприкосновенности сохраненія апостольскаго преданія, правила вѣры и въ связи съ этимъ, о непрерывномъ преемствѣ епископства и вообще о церковной іерархіи, какъ признакѣ истинной Церкви.

Четвертый очеркъ по источникамъ, принадлежащимъ къ той же исторической группѣ (Новый Завѣтъ, Мужи Апостольскіе, Пастырѣ Ермы, Тертулліанъ, Климентъ Александрійскій, но съ прибавленіемъ Оригена) и на основаніи главнымъ образомъ Тертулліана излагаетъ ученіе о святости Церкви, какъ оно раскрыто было въ борьбѣ съ монтанизмомъ.

Такимъ образомъ, въ трехъ первыхъ очеркахъ изслѣдуются три частныхъ стороны ученія о Церкви (новочеловѣчество, апостоличность и святость) совершенно отдѣльно одна отъ другой, безъ общей ихъ исторической связи и органическаго единства,—такъ сказать, логически, а не исторически. Такая постановка дѣла, правда, вынуждала автора трижды братья за одни и тѣ же источники и сообщила этимъ очеркамъ характеръ скорѣе отдѣльныхъ параграфовъ *догматической системы*, чѣмъ *историческихъ очерковъ* постепеннаго раскрытія догмата. Но за то авторъ получилъ возможность изложить указанныя стороны ученія о Церкви въ данной группѣ источниковъ съ наибольшою полнотою и отчетливостью. А такъ какъ дѣйствительно-историческую постепен-

ность и внутренне-органическую связь въ раскрытіи указанныхъ сторонъ ученія о Церкви прослѣдить трудно, да и едва ли она и была въ дѣйствительности, то, разъ авторъ задался изслѣдованіемъ именно этихъ сторонъ ученія о Церкви, едва ли онъ и смогъ бы изложить предметъ какъ-либо иначе. (Нѣкоторыя стороны и не имѣли историческаго движенія, ибо были уже полно и точно опредѣлены, независимо отъ противоеретической полемики церковной, въ Новомъ Завѣтѣ, напримѣръ о преданіи и іерархіи). При взятой же авторомъ постановкѣ дѣла, по моему мнѣнію, никакого другого распределенія очерковъ и быть не могло.

Болѣе историческая постепенность и органическая связность въ раскрытіи ученія о Церкви начинается собственно съ пятаго очерка (стр. 361—470), посвященнаго подробному изложенію ученія св. Кипріана о Церкви, и главнымъ образомъ о единствѣ Церкви, выражаемомъ преимущественно во взаимосогласіи епископа, клира и народа, — въ епископатѣ, какъ органѣ единенія вселенской Церкви и въ соборѣ епископовъ (а не въ одномъ римскомъ епископѣ),—а также въ молитвенномъ общеніи, любви и благотворительности, — и о святости Церкви, противъ Новаціанъ, въ связи съ ученіемъ св. Отца о невозможности спасенія внѣ Церкви, о епископской власти ключей, о благодати и другихъ сопряженныхъ предметахъ.

Указавъ на незаконченность ученія св. Кипріана о святости Церкви, авторъ переходитъ къ слѣдующему и послѣднему очерку (стр. 471—544), излагающему дальнѣйшее раскрытіе ученія о святости Церкви въ церковной полемикѣ съ донатистами сначала у Оптата Милевійскаго, а потомъ полное и окончательное выраженіе и утверженіе этого ученія у блаженнаго Августина, чѣмъ и заканчивается книга.

Оба послѣдніе очерка стоятъ между собою въ тѣсной исторической послѣдовательности и органической связи, кромѣ „мистическаго ученія св. Меодія Патарскаго“ въ началѣ шестаго очерка, гдѣ это ученіе стоитъ полнымъ особнякомъ и эпизодически, какъ и „мистико-аллегорическая мысль о домірномъ происхожденіи Церкви въ такъ называемомъ второмъ посланіи Климента Римскаго и въ Пастырѣ Ермы“ въ концѣ второго очерка (стр. 102).

Сдѣланный очеркъ содержанія книги В. А. Троицкаго,

хотя и очень кратко, но, по нашему мнѣнію, въ достаточной мѣрѣ опредѣляетъ характеръ ея. *Искусное*, какъ сказано въ началѣ отзыва, ограниченіе задачи труда изложеніемъ только церковной полемики противъ антицерковныхъ движеній, преимущественно западныхъ, *для работы магистерской*,— должно быть, по нашему мнѣнію, признано *искусственностью*, съ точки зрѣнія *общенаучной*. Какъ тѣло Спасителя-Богочеловѣка и новый въ исторіи человечества народъ Божій. Церковь живетъ духовно-тѣлесною жизнью, исторически развивается въ мѣру возраста совершеннаго и органически возрастаетъ въ новочеловѣчество по Богочеловѣку. Это значитъ, что въ основѣ всѣхъ ея внѣшнихъ проявленій и историческихъ событій лежитъ нѣкое духовное начало, невидимая сущность, идея. Поэтому изслѣдовать одни только внѣшне-историческія проявленія жизни ея, не касаясь ея духа, безъ выясненія общей идеи Церкви и ея догматической первоосновы, будетъ такою же искусственностью, какъ изучать ростъ человѣческаго тѣла или исторію какого-либо народа по однимъ только внѣшнимъ и частичнымъ какимъ-либо проявленіямъ. Въ данномъ случаѣ это то же, что изучать человѣческій организмъ, напримѣръ, по однимъ только мускуламъ или нервамъ и ихъ реакціи на вредныя организму вліянія—внѣшнія и внутреннія, не касаясь общеорганическаго начала человѣческой тѣлесности,— или писать исторію культуры какого-либо великаго народа по одной только внѣшней и внутренней борьбѣ его съ врагами, не выясняя общенародный его духъ или гений, выражающійся въ наукѣ, искусствѣ, государственномъ строѣ, религіи. Такъ и трудъ В. А. Троицкаго представляетъ искусственно ограниченное изложеніе церковной полемики съ антицерковными движеніями, по частнымъ сторонамъ и внѣшнимъ проявленіямъ Церкви (апостоличность, единство и вселенскость, святость), но не *исторію* въ собственномъ смыслѣ *догмата о Церкви*, въ ея существѣ и идеѣ, какъ о живомъ тѣлѣ Спасителя-Богочеловѣка, возрастающемъ въ возможную мѣру богочеловѣчества Христа.

Отсюда—многія и крупныя опущенія, на первый взглядъ кажущіяся странными, но вполне понятныя съ точки зрѣнія задачи автора. Такъ, въ изслѣдовательномъ кругозорѣ его отсутствуетъ ученіе эkkлeзіологiи сирскіихъ писателей—

Афраата и Ефрема Сирина (а у этого послѣдняго, замѣтимъ, есть творенія и догматико-апологетическя или догматико-полемическя противъ язычниковъ, іудеевъ, манихеевъ, гностиковъ—Маркіонитовъ и Валентіанъ, противъ Новаціанъ и др.). Оригенъ хотя и цитруется, но только по несущественнымъ сторонамъ его еkkлeсіoлoгiи: стр. 215—взглядъ его на апокалипсическихъ ангеловъ церкви,—284: объ опредѣленіи апостольскаго собора,—308: о Пастырѣ Ермы,—476: душа челоуѣка называется невѣстою Христовою. Послѣднія ссылки хотя и прямо наводятъ на мысль изслѣдовать еkkлeсіoлoгiю въ связи съ антропологіей, равно какъ и на стр. 342 и дал. выписано много мѣстъ, касающихся существа Церкви и ея догматической первоосновы у Оригена, но авторъ не изслѣдуетъ ихъ съ этой именно точки зрѣнія, а приводитъ ихъ при разсмотрѣніи вопроса о святости Церкви. Ни разу не поцитовано „*περί ἀρχῶν*“. Василій Великій, Григорій Нисскій и Златоустъ приводятся только въ разсужденіи о покаянной дисциплинѣ и о крещеніи еретиковъ. Григорій Богословъ отсутствуетъ совсѣмъ, также Аѳанасій и Кириллъ Александрійскій и др.,—даже Кириллъ Іерусалимскій, у коего огласительное слово о Церкви знаменательно соединено съ воскресеніемъ плоти и вѣчною жизнью, т. е. съ эсхатологіей, какъ и въ самомъ символѣ вѣры эти члены стоятъ рядомъ. Нѣтъ, наконецъ, Діонисія Ареопагита, коего возвышенныя и вдохновенныя интуіціи служатъ завершеніемъ восточной еkkлeсіoлoгiи въ золотомъ вѣкѣ церковной литературы, каковымъ на Западѣ является Августинъ.

Вниманіе свое авторъ сосредоточилъ преимущественно, если не исключительно, на западной церковной полемикѣ съ антицерковными движеніями, касаясь восточной еkkлeсіoлoгiи только отрывочно и какъ бы попутно, кое-гдѣ и кое-что. Даже такое глубоко-знаменательное и коренное различіе еkkлeсіoлoгiи Востока и Запада, начавшееся уже съ самыхъ первыхъ дней христіанства и отразившее еще дохристіанскій контрастъ между ними, какъ практицизмъ, юридизмъ, поглощеніе личности государствомъ и общій наклонъ къ вѣшнему, плотяному, земному,—на Западѣ,—и мистицизмъ, догматизмъ, самоцѣнность личности и вообще—устремленіе къ внутреннему, духовному, небесному—на Востокѣ,—у автора отмѣчено только мимоходомъ на нѣсколь-

нихъ строчкахъ по поводу ученія Меѳодія Патарскаго и притомъ по внушенію Гарнака (стр. 475—476; строчки эти приводятся въ отзывѣ далѣе). А между тѣмъ подробное и всестороннее раскрытіе этого различія, по нашему мнѣнію, должно быть одною изъ первыхъ и главныхъ задачъ исторіи догмата о Церкви.

Но и въ исторіи догмата о Церкви собственно на Западѣ, ограниченіе еkkлeсіологическаго кругозора сопровождается поразительнымъ съ изслѣдовательнаго поля зрѣніа исчезновеніемъ такого крупнаго, единственнаго въ своемъ родѣ и гениальнаго творенія по еkkлeсіологіи, какъ, *De civitate Dei*, надъ коимъ Августинъ трудился цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ и которое должно быть признано самымъ зрѣлымъ изъ всѣхъ его сочиненій. Только трижды, если не ошибаюсь, и то въ массѣ другихъ цитатъ, нашелъ нужнымъ авторъ сдѣлать ссылки на это великое твореніе великаго писателя: стр. 504—въ разсужденіи о томъ, что въ церкви находятся какъ хорошіе, такъ и дурные люди,—притча о неводѣ,—стр. 517—какъ предопредѣленные къ спасенію, такъ и не предопредѣленные,—и стр. 537—о крещеніи еретиковъ. Между тѣмъ, даже и полемика блаженнаго Августина съ донатистами, съ особенною тщательностію изученная авторомъ и весьма обстоятельно изложенная, могла бы найти себѣ проясненіе въ еkkлeсіологіи „Града Божія“. Бросается въ глаза полное отсутствіе еkkлeсіологіи богослуженія, въ которомъ, преимущественно, отражается и запечатлѣвается реальное переживаніе Церковью ея идейно-мистическаго существа, хотя то же самое съ разныхъ сторонъ и въ извѣстной мѣрѣ совершается и во всѣхъ вообще проявленіяхъ церковной жизни, почему и освѣщеніе ихъ съ точки зрѣніа идеи Церкви было бы дѣломъ далеко не излишнимъ (это, повидимому, сознаеть и самъ авторъ, хотя и слишкомъ односторонне, стр. 253).

Тою же задачею работы г. Троицкаго объясняется и отсутствіе въ ней точнѣйшаго, опредѣленія понятій, составляющихъ содержаніе заглавія его книги: церкви, догмата и исторіи, въ чемъ вездѣ чувствуется настоятельная потребность. Отсюда: Церковь опредѣляется и трактуется то какъ „тѣло“, то какъ „общество“, то какъ „народъ“ и проч.—догматъ не разграниченъ съ канонамъ, символомъ, даже съ дисциплиною и обрядомъ,—исторія повидимому понимается

только какъ хронологія и лѣтопись и при томъ только *внѣшнѣе* проявленіи церковной жизни (въ данномъ случаѣ— антицерковныхъ движеніи и церковной полемики противъ нихъ). Въ задачи автора оказалось ближайшее изслѣдованіе понятія каѳоличности—соборности Церкви, хотя именно это свойство Церкви, послѣ гениальной полемики Хомякова, думается намъ, и должно служить пробнымъ камнемъ для отграниченія истиннаго православія отъ католичества и протестантства,—и хотя исторія первохристіанской церкви даетъ для такого изслѣдованія обильный и благодарный матеріаль. Авторъ ограничивается такими только замѣчаніями: стр. 143: „вотъ признакъ апостольскаго достоинства церковнаго ученія: это ученіе имѣетъ *вселенскій* характеръ, оно *одно* во всемъ мірѣ.... *каѳоличность* предполагаетъ *апостольство*“, — 233: „терминомъ *каѳоликѣ* у Игнатія, нужно думать, обозначается именно *вся совокупность* Церкви въ противоположность отдѣльной самозамкнутой общинѣ“, — 248: „признакъ истинной Церкви у Климента Александрійскаго есть ея *единство*,—она—церковь *каѳолическая*: въ ней объединяются люди въ *единствѣ вѣры* (только?),—484: у Оптата каѳоличность понимается какъ *вселенскость*,—485: какъ внѣшнее распространеніе по всему міру,—486: „донатисты противорѣчатъ себѣ, когда приносятъ молитвы за единую каѳолическую церковь, церковь ихъ не каѳолическая,—истинная Церковь та, которая содержится во всемъ мірѣ“,—498—499: „по ученію донатистовъ, которые свое общество также называютъ каѳолическою церковью, каѳоличность Церкви есть не ея пространственная повсемѣстность, а *полнота ученія и полнота таинствъ*,—Августинъ принимаетъ и это пониманіе термина, однако настаиваетъ на томъ, что Церковь должна быть вселенской и распространена по всему міру, толкуя греческое *καθ' ὅλον* въ значеніи повсемѣстности“,—500—501: „*единеніе со всеми церквами* и есть признакъ принадлежности къ истинной вселенской Церкви,—поэтому нерѣдко каѳолической Августинъ называетъ и *всякую помѣстную Церковь*“. Вотъ и все, что нашелъ авторъ для исторіи и уясненія каѳоличности Церкви на протяженіи четырехъ слишкомъ вѣковъ церковной исторіи! Единство, вселенскость, апостольность, цѣлокупность, полнота ученія и таинствъ, единеніе со всѣми церквами: всѣ эти опредѣленія каѳолич-

ности Церкви, отрывочно приводимыя преимущественно изъ западныхъ полемистовъ противъ доонатистовъ (нѣтъ опредѣленія каѳоличности даже Кирилломъ Иерусалимскимъ), самимъ авторомъ не объясняются и не проявляютъ въ немъ ни малѣйшаго желанія изслѣдовать это понятіе и дать ему идейно-богословское и догматическое освѣщеніе. Такое отношеніе къ понятію каѳоличности Церкви для русскаго историка догмата о Церкви, послѣ Хомякова, по моему мнѣнію, есть тяжкое научное преступленіе и можетъ быть психологически объяснено только антинаучною тенденціозностью автора.

Да и вообще теологія, христологія, сотеріологія, эсхатологія и даже антропологія и космологія, стоящая въ неразрывно-органическомъ единеніи съ еkkлeсіологіей, оказываются также внѣ еkkлeсіологическаго горизонта автора, хотя нѣкоторыя исключенія сдѣланы для „христологій Иринея и ея связи съ еkkлeсіологіей“ (стр. 81 дал.),—для „понятія грѣха у Климента Александрійскаго“ (стр. 338),—„ученія Кипріяна и Стефана о благодати“ (стр. 445 дал.),—„ожиданія скорой кончины міра“ у первохристіанъ (стр. 261),—даже „мистико-аллегорической мысли о домірномъ происхожденіи Церкви въ такъ называемомъ второмъ посланіи Климента и въ Пастырѣ Ермы“ (стр. 102 сл.), причемъ эту мысль авторъ называетъ „въ исторіи догмата о Церкви явленіемъ (будто-бы?) случайнымъ“ (стр. 105),—и для „мистическаго ученія о Церкви Меѳодія Патарскаго“, которое изложено на трехъ страничкахъ (373—375) и снабжено только слѣдующимъ поясненіемъ: „Въ ученіи св. Меѳодія мы можемъ видѣть тѣ же идеи, какія были уже раскрыты на Западѣ, *только эти идеи получаютъ мистическое обоснованіе* (курсивы наши: *только?* какъ будто это какая нибудь второстепенность?). Можно замѣтить *лишь одну особенность*: св. Меѳодій даетъ *особенно значеніе личности*, что и понятно при мистическомъ представленіи *всей исторической миссіи Церкви* (хотя и „лишь одна особенность“, однакожъ дѣло идетъ о „мистическомъ представленіи *всей исторической миссіи Церкви*“). При болѣе *внѣшнемъ и юридическомъ* характерѣ вопросовъ, рѣшавшихся о Церкви на Западѣ, конечно, личность *какъ бы обходилась*, не была предметомъ разсужденій“. (Не „*какъ бы обходилась*“ личность, замѣтимъ въ скобахъ, и не „*лишь* эта одна особенность“, но здѣсь существенная разница между восточною

и западную эkkлезіологію, и изслѣдованіе этой особенности должно составлять, повторяемъ, одну изъ первѣйшихъ и насущнѣйшихъ задачъ каждаго, кто берется за работу по исторіи догмата о Церкви. Эти небольшія замѣчанія и уклоненія автора показываютъ только искусственность его постановки дѣла и перасторжимо-органическую связь эkkлезіологіи со всѣми другими сторонами христіанскаго вѣро-сознанія и являются какъ бы невольною данью автора въ пользу этой связи.

Удаленіе указанныхъ сторонъ эkkлезіологіи изъ изслѣдовательнаго кругозора автора лишило его средствъ не только къ историко-догматическому раскрытію существа Церкви и ея идеи, но и къ полному разъясненію нѣкоторыхъ, если не всѣхъ, поставленныхъ самимъ авторомъ вопросовъ. Не говоримъ уже объ общихъ свойствахъ Церкви, изслѣдуемыхъ историко-догматически въ книгѣ г. Троицкаго—апостоличности, единства, святости, особенно же соборности, стоящихъ въ неразрывно-органической связи съ мистическою сущностью Церкви и ея догматическою первоосновою или идеею и безъ нея столь же мало уяснимыхъ, какъ тѣло безъ души. Остаются безъ полнаго догматическаго уясненія даже многія такія частности, которыхъ авторъ долженъ былъ касаться по задачѣ своей работы. Напримѣръ: вопросъ о возможности, съ точки зрѣнія Августина, спасенія людей, конхъ души, какъ христіанки по природѣ, искали Невѣдомаго Бога и принадлежали къ пріятнымъ Богу читателямъ Его, а по терминологіи Августина, „предопредѣленнымъ“, — но которые при жизни земной не познали Христа и не увѣровали въ Него, такъ какъ не слышали проповѣди о Немъ и не были благоувѣствованы. Затѣмъ въ связи съ этимъ: изслѣдованіе вопроса объ апокатастаѣ въ древне-христіанской литературѣ,—о тысячелѣтнемъ царствѣ Христа въ связи съ идеею перваго и втораго воскресенія, аналогично съ сошествіемъ Христа въ адъ для людей ветхозавѣтныхъ,—о благодати таинствъ у еретиковъ и раскольниковъ, особенно въ отношеніи къ Августину и мн. др.

Наконецъ ограниченіе задачи сочиненія только церковною, и притомъ западною, полемикою противъ антицерковныхъ движеній, имѣвшихъ преимущественно канонико-дисциплинарный характеръ и касавшихся болѣе практическихъ, чѣмъ

догматическихъ сторонъ экклезіологін, выразилось и въ томъ, что при чтеніи книги В. А. Троицкаго часто приходится напоминать себѣ, что имѣешь дѣло съ сочиненіемъ по исторіи догмата о Церкви, а не по каноническому праву, христіанской дисциплинѣ, ересеологін и пр. Такъ элементъ собственно догматическій нерѣдко подавленъ второстепеннымъ и побочнымъ матеріаломъ въ книгѣ.

Но всѣ эти, какъ и многія другія возможныя, *пожеланія*, совершенно, думается, естественныя и законныя по отношенію къ ученому по исторіи догмата о Церкви труду вообще, въ данномъ случаѣ были бы *сверхпожеланіями* при оцѣнкѣ магистерской диссертациі молодого и начинающаго ученаго богослова.

Обращаясь теперь отъ мечты къ дѣйствительности, мы можемъ указать только весьма немногіе и притомъ совершенно частныя недосмотры и недостатки въ трудѣ В. А. Троицкаго.

1. Нѣкоторыя неточности въ переводахъ. Съ латинскаго: стр. III: „тайнственная жизнь въ Церкви не можетъ, конечно, быть во всей своей глубинѣ предметомъ логическихъ опредѣленій и научныхъ изслѣдованій,—она *непосредственно дается тому, кто въ ней участвуетъ*, какъ это высказалъ еще Иларій Пиктавітскій въ словахъ: *hoc ecclesiae proprium est, ut tunc intelligatur, cum arguitur*“. Въ подлинникѣ мѣсто читается такъ: *hoc ecclesiae proprium est, ut tunc vincat cum laeditur, tunc intelligatur cum arguitur, tunc obtineat cum deseritur*,—и имѣетъ совсѣмъ иной смыслъ, именно: „таково свойство Церкви, что она тогда побѣждаетъ, когда ей наносится вредъ,—тогда уразумѣвается, когда подвергается обвиненію,—тогда овладѣвается, когда оставляется“. Стр. 160—161: о словахъ Иринея Contra haer. III. 3. 2: „Ad hanc enim ecclesiam (разумѣется римская церковь) propter potiore principatum necesse est omnem *convenire* ecclesiam, hoc est eos, qui sunt undique fideles, in qua semper ab his, qui sunt undique conservata est ea, quae ab Apostolis, traditio“ авторъ говоритъ, что „нѣтъ никакихъ основаній навязывать слову *convenire* значеніе, котораго оно *имѣть не можетъ*“, т. - е. „согласоваться“, между тѣмъ, судя по всему, оно должно здѣсь имѣть именно это значеніе, а не невозможное здѣсь „сходиться“. Съ греческаго: стр. 180 *ἡ πίστις ἡ δι' αὐτοῦ* авторъ переводитъ: „вѣра Его“, надо: вѣра чрезъ Него. На стр. 474 изъ Симпосіона

Меоодія Патарскаго: „которое (сѣмя духовное) Логосъ свѣваетъ въ глубину духа“,—надо: которое свѣтъ (*σπείρει*) Самъ (Логосъ), внушая (*ἐπιχθόν*—авторъ опускаетъ это и слѣдующее слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заключающуюся въ нихъ глубочайшую мысль,—значитъ искажаетъ подлинникъ) и насаждая въ глубинѣ духа (*ροός*). Далѣе авторъ: „Церковь принимаетъ это сѣмя и *развиваетъ*(?) его, какъ женщина, *умножая*(?) и воспитывая добродѣтель“,—надо: Церковь же принимаетъ и образуетъ (*μορφοῖ*, а не „развиваетъ“) подобно женщинѣ для того, чтобы породить (*εἰς τὸ γεννᾶν*—а вовсе не „умножая“, притомъ неопредѣленное цѣли, а не дѣепричастіе) и воспитывать добродѣтель. Далѣе авторъ: „Церковь ежедневно возрастаетъ въ величїи, красотѣ и численности, благодаря *содѣйствию* (*σῆς? διὰ τῆν σύνεργον*—невѣрно и неточно передаетъ мысль Св. Отца, надо: по причинѣ *союза*, такъ какъ рѣчь о бракѣ Христа съ Церковью, какъ мужа съ женою,—отъ *συν-εργω*, а не *συν-εργεω*) и общенїю Логоса“. И вообще переводъ и изложеніе авторомъ Меоодія Патарскаго меня не удовлетворяютъ. Даже въ *Corrigenda* есть ошибка: *μεγατηγέναι*.

2. Нѣкоторыя излишества въ подробностяхъ и справкахъ по соприкосновеннымъ предметамъ, отвлекающихъ вниманіе читателя отъ главнаго предмета, каковыми лучше помѣщеніе было бы въ приложенїяхъ, въ концѣ книги.

3. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ желательны доказательства и обоснованїя аподиктически высказываемыхъ авторомъ положенїй. Напр. стр. 211: „епископство установлено апостолами для храненїя истины въ Церкви до скончанїя вѣка“. Стр. 237: „Епископы, какъ испытанныя лица, молодость которыхъ можетъ быть иногда восходила ко временамъ апостоловъ, не могли измѣнить истинѣ и впасть въ такое заблужденїе, какъ докетизмъ“ (Почему? ср. 1 Иоан. 2, 19). Стр. 266: „Относительно всякаго общества можно утверждать, что чѣмъ больше и разнообразнѣе составъ его членовъ, тѣмъ менѣе въ немъ единства, тѣмъ ниже его общее качество. То же самое должно было *непрелѣнно* случиться и съ Церковью“ (Но можно сравнить Коринтскую церковь времени Ап. Павла и греческую постѣ вселенскихъ соборовъ или русскую 14—15 вѣка). Иногда авторъ отсылаетъ къ нѣмецкимъ книгамъ за такими подробностями, которыя имѣютъ существенное значенїе въ изслѣдуемомъ предметѣ, напр. „подробнѣе ученїе Новаго Завѣта

о томъ, что Церковь есть истинный Израиль, см. у К. Кларка* (стр. 74, прим. 9,—ср. подобное же стр. 78, прим. 1 и др. См. еще стр. 157, прим. 4,—стр. 222, прим. 2 и др.). Въ изложеніи евангельскаго ученія о Церкви нѣтъ раскрытія и доказательства той мысли, что Церковь и Царство Христово Божіе—одно и то же, хотя авторъ пользуется этими понятіями, какъ тождественными. Нѣтъ точнаго опредѣленія понятій: святости, аскетизма, добродѣтели.

4. Нѣкоторыя мѣста книги вызываютъ недоумѣнія и требуютъ поясненій. Стр. 74: „Буквальный смыслъ Ветхаго Завета потерялъ всякое значеніе“ (? въ Новомъ Завѣтѣ). 237—238: „На посланія св. Игнатія нельзя смотрѣть съ абсолютной точки зрѣнія; ихъ значеніе по самому ихъ назначенію и характеру было только относительнымъ; какъ частныя письма, они имѣли значеніе мѣстное и временное“ (Стало бы только историческое, а не догматическое и не каноническое?! И для насъ не имѣютъ значенія?!). 253: „То или другое понятіе о Церкви всегда въ исторіи было тѣсно связано съ самой церковной жизнью; тѣ или иныя формы жизни церковной оказывали свое вліяніе на опредѣленіе *понятія о Церкви* (? Ergo: понятіе о Церкви измѣнялось въ исторіи Церкви?!). 265: „Мысль о скорой кончинѣ міра мы встрѣчаемъ и у новозавѣтныхъ писателей“. 236: „Поминайте въ молитвѣ вашей Сирскую Церковь, у ней вмѣсто меня пастырь теперь Богъ“,—и далѣе: „Одинъ Іисусъ Христосъ да надзираетъ ее (*ἐπιβουλήσει αὐτήν*—будетъ епископомъ надъ нею?) и ваша любовь“: къ этимъ словамъ св. Игнатія Богоносца не излишне было бы поясненіе, въ виду старообрядскаго воззрѣнія на непрерывность епископства въ Церкви. Стр. 58—59: „Церковь (первохристіанская) для выраженія идеи своего единства не нуждалась въ *искусственнымъ юридическимъ нормамъ* (что такое?)... Тѣ формы общенія Церквей, которыя можно отмѣтить въ первыя времена бытія Церкви, больше свидѣлствуютъ о проникновенности христіанъ идеей единой Церкви, чѣмъ формы общенія *позднѣйшаго, чисто формальнаго, юридическаго, бумажнаго*... Христіанамъ того времени не могло даже и *представиться*(?), что можетъ настать время, когда христіанская вѣра покоритъ міръ и будетъ единая, внѣшне организованная Церковь“ (А. Іоан. 10, 16?). Всѣ эти фразы требуютъ поясненій.

5. Наконецъ нѣсколько стилистическихъ шероховатостей. Стр. 11: „Малое стадо Христовыхъ послѣдователей, согласно Его(?) повелѣнію пребывало въ Іерусалимѣ“. Стр. 71: „іудействующіе, замкнувшись въ своихъ *легалистическихъ(?)* тенденціяхъ“. Стр. 74: „Въ посланіи къ Евреямъ дается *критика(?)* ветхого закона... говоритъ о смыслѣ ветхозавѣтныхъ *институтовъ(?)*“, — ср. стр. 544: „Церковь, какъ видимый *институтъ(?)*“. Стр. 77: „Этотъ *γῶσις*, по посланію, есть не что иное, какъ *аллегорическій методъ(?)* толкованія ветхозавѣтныхъ книгъ“ (знаніе есть методъ?). Стр. 237: „Эту мысль св. Игнатій высказываетъ почти *безапелляціонно(?)*“.

Вотъ и всѣ недостатки, какіе смогла замѣтить моя, быть можетъ, крайне придиричивая критика. Но всѣ они, какъ корабельные отбросы въ океанѣ, совершенно исчезаютъ въ огромномъ трудѣ г. Троицкаго. Едва замѣтныя и сами по себѣ, эти мелочи совсѣмъ теряются на общемъ фонѣ слѣдующихъ, весьма крупныхъ, достоинствъ книги:

А. За немногими исключеніями, которыя всѣ почти указаны выше, частныя свойства Церкви—апостоличности, единства и святости раскрыты авторомъ, въ граняхъ поставленной имъ себѣ задачи, едва не съ предѣльною полнотою, въ стройной логической связи, при строгой исторической послѣдовательности и отчетливо-яснымъ языкомъ.

Б. Съ особенною тщательностью и весьма тонко разработано ученіе Иринея и Кипріана о преданіи и ученіе того же Кипріана, Оптата и Августина о единствѣ и святости Церкви. За одни эти превосходныя трактатцїи можно бы удостоить автора магистерской степени. Кромѣ того мы должны здѣсь отмѣтить еще и слѣдующія частности: стр. 160—167: доказательство той мысли, что Иринеи и Тертуллианъ не признавали главенства и непогрѣшимости римской церкви,—стр. 187 дал. опроверженіе мнѣнія новѣйшихъ протестантовъ (Гарнака и др.), что епископально-іерархическій строй церкви былъ новостью по сравненію съ древнѣйшимъ и подлинно-апостольскимъ харизматическимъ, ср. стр. 434 сл.,—стр. 194 и дал. о преемствѣ іерархическомъ,—201: „не отдѣльныя лица, а вся Церковь, по ученію Ап. Павла, есть столпъ и утвержденіе истины“,—209: „служеніе апостоловъ въ собственномъ смыслѣ (т. е. Двѣнадцати) было безпреемственно“,—319 дал. о епископской „власти ключей“,—

ср. 326. 335. 369—противъ протестантовъ, — 382: опроверженіе мнѣнія католическихъ ученыхъ, что св. Кипріанъ училъ о приматѣ Ап. Петра и римскаго епископа 397,—напротивъ, св. Кипріанъ, по изслѣдованію автора, средоточіемъ епископата считалъ только *соборное* единеніе и единомысліе епископовъ 407,—стр. 410: „единство епископата выражается не только въ общемъ согласіи (Церкви?), но также и въ соборномъ постановленіи и посвященіи каждаго новаго епископа: „для правильнаго поставленія всѣ ближайшіе епископы должны собираться въ ту паству, для которой поставляется предстоятель, и *избирать епископа въ присутствіи народа, вполне* знающаго жизнь и ознакомившагося съ дѣлами избираемаго чрезъ свое обращеніе съ нимъ“. И другое многое, что невозможно выписывать, чтобы не довести отзыва до ненормальныхъ размѣровъ.

В. Превосходная лингвистическая подготовка молодого ученаго дала ему полную возможность не только изучить предметъ по многотомному первоисточнику на латинскомъ и греческомъ языкахъ, но и широко и основательно познакомиться со всѣми наиболѣе существенными пособіями на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ (англійская литература отсутствуетъ сполна), и при томъ не только по догматикѣ, но и по всѣмъ другимъ сопряженнымъ дисциплинамъ—церковной исторіи, каноникѣ, экзегетикѣ и т. д. Въ этомъ отношеніи книга автора можетъ служить прекраснымъ энциклопедическимъ руководствомъ къ православному изученію излагаемыхъ авторомъ предметовъ.

Г. Въ русской научно-богословской литературѣ авторъ имѣетъ только двухъ предшественниковъ: Архимандрита, потомъ епископа, профессора и ректора Кіевской Духовной Академіи Сильвестра, Ученіе о Церкви въ первые три вѣка христіанства, Кіевъ, 1872,—и Е. Аквилонова, профессора С.-Петербургской Духовной Академіи, потомъ протопресвитера, Научныя опредѣленія Церкви и апостольское ученіе о ней, какъ о тѣлѣ Христовомъ, СПб. 1894. Обѣ эти диссертациі, изъ коихъ, надо замѣтить, одна докторская (арх. Сильвестра) не только уже устарѣли хронологически, но и ограничиваются лишь изложеніемъ, при томъ очень краткимъ и отрывочнымъ, ученія о Церкви Новаго Завѣта и церковныхъ писателей только древнѣйшихъ—безъ исторической переле-

ктивны,—безъ изученія иностранной литературы и безъ полемики съ протестантствомъ и католичествомъ. Магистерская диссертація г. Троицкаго выгодно отличается отъ нихъ не только своимъ вѣдшимъ громаднымъ объемомъ (XVI+559 страницъ убористой печати, со множествомъ петитныхъ сносковъ, болѣе чѣмъ вдвое превосходитъ диссертаціи Сильвестра и Аквилонова), но, что гораздо важнѣе конечно, своимъ содержаніемъ. Она охватываетъ около четырехъ съ половиною вѣковъ, т. е. весь золотой періодъ церковной литературы. Она, затѣмъ, излагаетъ предметъ въ логической и исторической послѣдовательности. Она, наконецъ, всецѣло насыщена новѣйшею иностранною литературою и критическимъ отношеніемъ къ ней. Трудъ г. Троицкаго не только восполняетъ, но и всецѣло превосходитъ работы его русскихъ предшественниковъ.

Д. Многочисленныя цитаты, въ изобиліи разсѣяныя по всей книгѣ, по нѣскольку цитатъ на каждой почти страницѣ, вездѣ отличаются полнотою и точностью, причемъ иногда параллельно цитуются два изданія, а при цитаціи новѣйшихъ изданій помѣчаются даже и строки.

Е. По образцу хорошихъ заграничныхъ изданій книга снабжена указателями мѣстъ Священнаго Писанія, именъ, предметовъ и подробнымъ, едва не постраничнымъ, оглавленіемъ, что весьма облегчаетъ пользованіе ею и провѣрку ея. За это я лично, какъ рецензентъ, не только долженъ похвалить автора, но и принести ему благодарность, такъ какъ эти указатели и оглавленіе освободили меня отъ повторнаго чтенія книги при провѣркѣ возникшихъ по прочтеніи ея недоумѣній и разныхъ частныхъ справкахъ, что нерѣдко приходилось дѣлать при составленіи отзывовъ о другихъ диссертаціяхъ.

Ж. И, наконецъ, хотя авторъ излагаетъ предметъ съ полною научно-историческою объективною, но повсюду даетъ себя знать строго-православный тонъ и направленіе работы не только въ общемъ построеніи и конечныхъ выводахъ, но, какъ мы знаемъ уже, и въ раскрытіи частныхъ сторонъ, напримѣръ, о преданіи, іерархіи, единствѣ Церкви и проч. А во многихъ случаяхъ, повторимъ это, авторъ вступаетъ и въ прямую и побѣдоносную полемику съ новѣйшими католическими и протестантскими богословами,—особенно по

вопросу о приматѣ римской церкви и главенствѣ римскаго епископа—съ католиками,—и о мнимомъ уклоненіи Церкви отъ первоначальнаго харизматизма къ епископскому строю, причемъ первый, какъ древнѣйшій будто бы и подлинно-апостольскій, былъ осужденъ позднѣйшею, допустившею новаторство, церковью, какъ еретическій (цитаты въ пунктѣ Б.)—съ протестантами. Этимъ авторъ отклонилъ отъ себя упрекъ Самарина и проф. Суворова русскимъ богословскимъ работамъ по догмату о Церкви, „что въ нихъ обходятся всѣ вопросы, въ которыхъ бы могла опредѣлить себя Церковь Православная противъ католиковъ и протестантовъ,—или если не обходятся вполнѣ, то излагаются такимъ образомъ, что, при всякой попыткѣ сопоставленія отдѣльныхъ пунктовъ православнаго ученія съ соотвѣтствующими пунктами противоположныхъ одна другой системъ католической и протестантской, пришлось бы нерѣдко ставить вопросительные знаки, вмѣсто точно опредѣленнаго положенія“ („Данныя для біографіи Ю. Ѳ. Самарина, стр. LXIV и предисловіе проф. Н. Суворова къ переводу книги Ю. Кестлина, Существо Церкви, Ярослав. 1882, стр. XV).

Принимая во вниманіе всѣ указанныя достоинства книги В. А. Троицкаго, и въ виду догматической важности и трудности взятаго имъ предмета, а также насущнѣйшей потребности для современнаго православія догматически точно опредѣлиться въ отношеніи къ католичеству и протестантству,—трудъ автора должно привѣтствовать не только какъ обширный и серьезный научный матеріалъ для рѣшенія задачи, но и какъ плодотворную и талантливую попытку самостоятельно и научно рѣшить если не всѣ, то многіе вопросы, на началахъ строгаго Православія.

И если бы отъ меня зависѣло, я безъ всякихъ колебаній призналъ бы диссертацию г. Троицкаго вполнѣ достойною степени не только магистерской, но и докторской“.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій § 172: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія, по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквиумѣ, а числящіеся по второму разряду,

сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 171 испытаній.—2) И. д. доцента *В. А. Троицкій* окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1910-мъ году со степенью кандидата богословія и правомъ при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній.—3) По § 109 лит. а п. 15 устава,—„распоряженіе о разсмотрѣніи диссертаций на ученія степени и оцѣнка оныхъ (§§ 172 и 173)“ значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: 1) Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ и признавая представленное на соисканіе степени магистра богословія (въ печатномъ видѣ) и. д. доцента Академіи *В. А. Троицкімъ* сочиненіе подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ достаточнымъ для означенной степени,—допустить г. Троицкаго къ защитѣ сочиненія на коллоквиумѣ.—2) Официальными оппонентами при защитѣ диссертации назначить сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова* и ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*. 3) Предоставить Преосвященному Ректору Академіи, по представленіи магистрантомъ 65-ти экземпляровъ диссертации, войти въ соглашеніе съ нимъ относительно дня коллоквиума и пригласить къ участию въ послѣднемъ стороннихъ лицъ.

На семь журналъ резолюція Его Высокопреосвященства: „1912 г. Нояб. 22. Утверждается“.

22 ноября 1912 года.

№ 28.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Феодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Анатолій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ *М. Д. Муретовъ*, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ *А. П. Шостынь*, ординарные профессора—*С. С. Глаголевъ*, *М. М. Тарѣвъ* и *М. М. Богословскій*, экстраординарные профессора — *И. В. Поповъ*, *С. И. Смирновъ*, священникъ *Е. А. Воронцовъ*, *Д. И. Введенскій*